

**СОВРЕМЕННЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ
ИССЛЕДОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЛИТЕРАТУР**

УДК 821.511.131(470.41)

**ПРОИЗВЕДЕНИЯ ГАБДУЛЛЫ ТУКАЯ
В ИНТЕРПРЕТАЦИИ ГАЯ САБИТОВА***А.В. Камитова***Аннотация**

В статье рассмотрены произведения Габдуллы Тукая в интерпретации удмуртского поэта Гая Сабитова. Показано, что переводы Г. Сабитова звучат в унисон тукаевским текстам. Переводчик бережно подошёл к оригиналу, но вместе с тем сознательно ввёл в перевод некоторые дополнения и изменения. В ходе анализа установлено, что удмуртские переводы дают ясное представление об образной картине мира классика татарской литературы, об индивидуальном почерке автора.

Ключевые слова: татарская литература, удмуртская литература, оригинал, перевод, переводчик.

Габдулла Тукай признан поэтом мирового масштаба. Известно, что «за восемь лет своей творческой жизни поэт создал более десяти тысяч строк стихов, около пятидесяти печатных листов прозы, критических, публицистических статей» [1, с. 15]. Исследователи отмечают влияние его творчества на литературу многих народов, в том числе и на становление и развитие литератур народов Поволжья [2, с. 8]. Знакомство с творчеством иноязычного писателя главным образом происходит через переводы. Произведения Габдуллы Тукая переложены на многие языки, но «задача специального исследования переводов его произведений ещё не ставилась» [3, с. 150]. Так, по предварительным данным исследователей А.И. Коновой и Н.Г. Гараевой, «более 120 произведений Г. Тукая переведены на другие языки (больше, чем на 17 языков), в том числе на английский, арабский, башкирский, венгерский, казахский, киргизский, китайский, немецкий, персидский, русский, таджикский, турецкий, украинский, узбекский, уйгурский, финский, французский и др.» [3, с. 150].

Русские переводы среди имеющихся переложений занимают основное место. Всемирно известные русские поэты А.А. Ахматова, С.Я. Маршак, В.А. Рождественский обращались к переводу творений татарского автора. «То, что произведения Тукая издаются на многих языках мира, в том числе на английском (в 2010 г. в Лондоне вышел сборник избранных стихов Тукая), – ещё одно доказательство того, что поэзия Тукая бессмертна, вечно молода и современна», –

отмечает профессор Т.Н. Галиуллин [1, с. 23]. Сочинения татарского поэта продолжают побуждать других писателей к переводному творчеству, поскольку отразившиеся в его наследии ценности близки каждому человеку и любому народу.

Многие писатели совмещают оригинальную художественную деятельность с переводным творчеством. Зачастую переводная практика помогает интерпретаторам совершенствовать свой стиль и мастерство. В произведениях, переложённых на родной язык переводчиков, отражается их творческий подход, предлагается читателям своё видение иноязычного произведения. Сам Габдулла Тукай «часто обращался к испытанному средству общения – художественному переводу» [4, с. 24]. Он переводил А.В. Кольцова, А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, И.А. Крылова и других авторов.

Гай Сабитов (1915–1993), удмуртский поэт-песенник, был первым переводчиком тукаевских стихотворений на удмуртский язык. Владея татарским языком, он переводил произведения татарского классика с оригинала. В 1956 г. на страницах журнала «Молот» впервые появилась сказка-поэма «Шүрәле» Габдуллы Тукая в интерпретации удмуртского поэта (I). На удмуртском языке поэма была опубликована к 70-летию со дня рождения татарского поэта. В периодических изданиях продолжали публиковаться произведения Габдуллы Тукая в переводе Гая Сабитова, приуроченные к юбилейным датам татарского классика. Например, в 1961 г. в газете «Удмуртиысь комсомолец» («Комсомолец Удмуртии») к 75-летию поэта было опубликовано его стихотворение «Жир йокысы» на удмуртском языке под названием «Музьем көлэ» («Земля спит») (II). В 1963 г. на удмуртском языке вышла книга стихов для детей Г. Тукая (III). В 1986 г. к 100-летию со дня рождения татарского классика журнал «Молот» предложил своим читателям некоторые его стихи в интерпретации Г. Сабитова¹. В этом же году детско-юношеская газета «Дась лу!» («Будь готов!») познакомила юных читателей со сказкой Г. Тукая «Кәжә белән Сарык хикәясе». Произведение на удмуртском языке получило название «Гурт кеч но ыж сярись выжыкыл» («Сказка о козе и овце») (V). Эти переводы представляют собой примеры межлитературных и межкультурных связей двух народов.

Желание Гая Сабитова обратиться к переводам можно объяснить несколькими причинами. В течение всей жизни удмуртский писатель находился в состоянии творческого поиска. Для выражения своего мировидения Г. Сабитов искал новые художественные формы: он писал стихи-раздумья, стихи-посвящения, триптихи, венки сонетов, стихи-диалоги, стихи-обращения, новеллы, этюды, поэмы, баллады и др. Гай Сабитов оттачивал стихотворную технику: «варьировал размеры, искал новые, свежие формы» [5, с. 146]. Перевод произведений Габдуллы Тукая, Мусы Джалиля, Заки Нури, Роберта Миннуллина, Сибгата Хакима, Хасана Туфана, Александра Пушкина также мог послужить для Гая Сабитова творческой лабораторией.

Габдулла Тукай признан основоположником татарской детской литературы. Обращение Гая Сабитова к переводам стихотворений, адресованных детям, можно объяснить существовавшей в то время обстановкой в литературной жизни

¹ В журнале были опубликованы следующие стихи: «Ум кошкелэ!» («Не уйдем!»), «Зуч музьем вылын» («На благодатной земле»), «Вордскем гурт» («Родная деревня»), «Кылбурчи» («Поэт»), «Калык кырһан» («Народная песня») (IV).

Удмуртии. Как известно, в 60-е годы XX века в удмуртской литературе ощущалась острая необходимость в изданиях для детской аудитории. Эта проблема волновала учёных и писателей, критиков и литературоведов. Страницы местных газет и журналов тех лет были заполнены статьями, в которых поднимался вопрос о создании литературы для детей и юношества. Гай Сабитов не мог оставаться в стороне от этих проблем. Откликом на запросы времени явилась публикация в 1963 г. книги стихов для детей «Нылпиослы кылбуръёс» («Стихи для детей»), куда вошло шестнадцать переводных произведений Габдуллы Тукая. Выбор исходных текстов для перевода на удмуртский язык мог быть продиктован определёнными соображениями, в которых могли иметь место как субъективный, так и объективный подходы. Вероятно, это спонтанный произвольный «отбор» удмуртского поэта, а может быть, и осознанный путь. Но бесспорно одно: выбор текстов, вошедших в данное издание, не противоречил внутренним предпочтениям Гая Сабитова.

Габдулла Тукай раскрывал темы, которые продолжают оставаться созвучными современному читателю: природа, судьба родного языка, равноправие народов, национальная культура и т. д. Воспетые татарским поэтом непреходящие ценности были близки и удмуртскому поэту. «Как надежда на будущее народа дети всегда были в центре внимания Тукая», – замечает исследователь Т.Н. Галиуллин [1, с. 19]. Стихи для детей, «написанные на языке, доступном для детского восприятия, пронизаны стремлением воспитать в детях любовь к родному языку, честность, нравственность, трудолюбие, литературный вкус» [1, с. 21]. Обаяние тукаевских строк также могло подкупить удмуртского автора.

Удивительная сказка «Шурале», написанная Г. Тукаем в 1907 г.,² – одно из первых произведений татарского поэта, предложенных удмуртским читателям. Это произведение переведено на многие языки мира и считается «одним из самых переводимых» [3, б. 151]. По подсчётам исследователей, «на сегодняшний день известны переводы “Шурале” на пятнадцать языков» [3, б. 151]. Обращение удмуртского поэта к переводу данного произведения, выполненного в жанре сказки, вероятно, было не только связано с произведённым сказкой впечатлением, но и продиктовано внутренним мотивом – духом экспериментаторства. Необходимо отметить и то, что удмуртская литература не отличалась в 1900-е гг. изобилием литературных сказок. Впрочем, мы не можем однозначно утверждать или отрицать, что, обращаясь к переводу сказки, Гай Сабитов руководствовался этим фактом или принимал его во внимание.

На удмуртском языке это произведение получило название «Шурали». В переводе Гая Сабитова сохранена сюжетная канва и образная система сказки. Но удмуртский переводчик, на наш взгляд, стремился приблизить произведение к своему читателю, поэтому он внёс во вторичный текст образы из удмуртской культуры. В основном это этнографические реалии: *лянэс* ‘туесок’ (III, с. 19), *палэсмуртъёс* ‘половинчатые люди’, *нюлэсмуртъёс* ‘лесные люди/лешие’,

² Работая над поэмой-сказкой «Шурале», Г. Тукай опирался на произведения А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова, созданные на основе вымышленных рассказов, якобы услышанных в деревнях. Сам поэт даёт следующее пояснение к поэме: «Надежда есть: пройдёт время, и среди нас найдутся художники, которые придумают, как изобразить нос, кривые пальцы, рог, как его руки застряли между брёвен, опишут лес. Все описания, которые услышаны в этих деревнях, принесут только пользу» (VI, б. 352).

иуралиос ‘лешие/черти/филины’, *периос* ‘нечисть’ (III, с. 20). Таким образом, некоторые татарские реалии (*албасты* ‘злой дух, чудовище’, *убырлар* ‘нечистая сила, ведьмы, колдуны, оборотни’) Гай Сабитов заместил образами родной культуры. О переводном характере произведения можно догадаться лишь по некоторым заимствованиям из татарского языка – названию деревни *Кырлай*, национального праздника *Сабантуй*. В сказке изображается мир *Кырлай*, удивительный своей природой и чудесами.

Прообраз Шурале можно найти в мифологии разных народов³. В удмуртском *Шурале* сохранился сказочный дух персонажа, отличающийся особым обликом. У Гая Сабитова этот образ получился, как и у Габдуллы Тукая, неприятным: кривой острый нос, ноги и руки – словно тонкие кривые сучья, глубоко посаженные глаза светятся огнём, сам он похож на человека, но совершенно голый, на лбу виднеется один рог с палец, а пальцы длиной в аршин, остры и ужасны. По нраву Шурале был ни добрым, ни злым. Обработанный Г. Тукаем и по-своему прочтённый Г. Сабитовым фольклорный сюжет даёт ответ на вопрос, кто такой Шурале. Но в удмуртском тексте наблюдаются и расхождения, возникшие в процессе перевода.

На наш взгляд, в оригинале Шурале изображён более выразительно. Достичь такого эффекта Г. Тукаю удалось благодаря тому, что он ярче очертил в мифическом существе его физиологические и психологические особенности: видна его походка (*Ките кушкан жиргэ, атлап адымын ире-ире* ‘Пошёл на узкое место, крупным шагом’ (VI, б. 185)), выражены эмоциональные переживания и реакции (*Ямьсез тавышлы эллэ нэрсэ кычкыра* ‘Безобразным голосом кто-то кричит’ (VI, б. 184), *кычкыра да бакыра* ‘кричит и орёт’ (VI, б. 185), *Шурале фөръяд итадер* ‘Шурале стонет с криком’ (VI, б. 186)). Черты образа Шурале говорят о том, что он наделён потусторонней силой: безобразный вид, неуклюжая походка, страшный голос, рёв, крик. Для него характерна особая форма поведения: *ялгыз кешелэрне кытыклап утерэм* ‘одиноких людей щекотать и убивать’ (VI, б. 184). Габдулла Тукай создал сказочный образ, очень близкий персонажу народных татарских сказок.

В удмуртском переводе физиология Шурале затушёвана, поэтому образ получился менее эффектным. Гай Сабитов сфокусировал внимание читателя на описании вербальных выражений эмоций мифического существа в ущерб его телесной «выразительности»: *бёрдэ но сюлворе мискинь* ‘плачет и умоляет несчастный’, *нош шурали вузэ, тэтча* ‘а шурале воет, прыгает’, *со черекъя* ‘он кричит’ (III, с. 24–25). При этом переводчик сохранил особость персонажа, выходящую за пределы эстетической нормы: *«Бичатыса мон вишсько огназ калгись муртэ»* ‘Щекоткой я убиваю одиноко бродящих людей’ (III, с. 22).

Оказалось недостаточным и внимание переводчика к демоническим и полумифическим образам, изобилующим в оригинале: *качкынмы, жәнме* ‘беглец, джин/бес/нечистая сила’ (VI, б. 184), *өрәкме* ‘призрак’ (VI, б. 184), *урман сарыгы*

³ Существовала вера в так называемых *половинников* и у удмуртов. Среди таких образов в удмуртской мифологии выделяется *палэсмурт* (‘половинчатый человек’), который, как правило, живёт в лесу. Существует поверье, в котором говорится о запрете кричать или свистеть в лесу – иначе *палэсмурт* может выйти из леса. Он появляется как предвестник несчастья, зовёт человека по имени, может зашекетать его насмерть. А словом *шурале* удмурты называют филина и мифологического персонажа – лешего, чёрта.

‘лесное чудовище’ (VI, б. 185), *шуралелар* ‘других шурале’ (VI, б. 185). При помощи вымышленных персонажей Габдулле Тукаю удаётся создать сказочно-демоническую атмосферу в целях достижения необходимой гаммы переживаний.

Используемый Г. Тукаем фразеологический арсенал в рассматриваемой сказке небогат, но, думается, Г. Сабитов столкнулся с определёнными трудностями при переводе. Работа над переложением устойчивых оборотов потребовала от автора выработки определённой стратегии, в результате которой удалось достичь адекватного восприятия текста. К примеру, фразеологизм *куз ачып йомганчы* (приблизительно ‘не успеешь глазом моргнуть’) (VI, б. 182), переданный Г. Сабитовым посредством выражения *Та шуытозь* (приблизительно ‘в мгновение ока / не успев закрыть глаза’) (III, с. 19), аналогичен исходному тексту и исправно выполняет образную функцию. На наш взгляд, такой «мгновенной» коннотации оборота переводчиком был найден удачный аналог. Сочетание *колакка элми да* (букв. ‘не мотаает на уши’, то есть ‘не слушает, не принимает во внимание’, ср. *на ус не мотаает*) (VI, б. 186) переводчик передал аналогом *кылэм уг кар* (приблизительно ‘делает вид, что не слышит’) (III, с. 24), в котором сохранилась семантическая наполненность, присущая татарскому фразеологизму.

Синтез творческой свободы с сохранением образно-смыслового ядра позволил Гаю Сабитову воссоздать гармоничный сказочный мир Г. Тукая. Переводчик выбрал свой стиль, ориентируясь на народную поэзию и учитывая поэтику тукаевской сказки. В народном сказании Г. Сабитов нашёл духовную и культурную близость двух народов.

Знакомясь с его произведениями на удмуртском языке, замечаешь, что некоторые стихи в интерпретации Гая Сабитова затруднительны для чтения. В пример можно привести стихотворение «Атаеныз пиез» («Отец с сыном») – перевод тукаевского «Ата илэ бала»: *Яз, газиз угълым: кара тактаны сыз акбур белэн! / Гам кара куңлеңне ялт иттер сызып ак нур белэн!* ‘Пиши, родной (дорогой) сынок: чёрную доску расчерти (распиши) белым мелом! / И тёмную (чёрную) душу свою освети (очисти) белым светом’ (VI, б. 285), ср.: *Мусо пие, гожъя доска вылэ, куты мелдэ, / Тодонлыклен чильваеныз тон югдыты визьдэ* ‘Любимый (родной) сын, пиши на доске, возьми мел, / Блеском знаний ты освети свой разум’ (III, с. 3).

Не исключено, что определённая неудобочитаемость удмуртского текста обусловлена тем, что Гай Сабитов пользовался дословным переводом, в результате которого нарушился ритмический рисунок произведения, возникли сочетания звуков, вызывающие диссонанс. Кроме того, переводчик употребил в повелительном наклонении полную основу глагола (*куты* ‘возьми’) вместо краткой, что может являться и диалектным вариантом (употребление в речи подобных форм характерно для срединных говоров удмуртского языка). Но этот приём благотворно сказался на рифмическом рисунке текста. Вероятно, результат такого эксперимента был направлен на удовлетворение художественных задач, стоявших перед Г. Сабитовым, одной из которых было максимальное приближение перевода к оригиналу. К сожалению, в удмуртском варианте не сохранилась присущая для тукаевского стиля цветовая игра, имеющая глубокий символический смысл и используемая им для усиления эмоционального воздействия текста.

В творчестве Г. Тукая наблюдается виртуозная реконструкция образных выражений, взятых из устной поэзии. В своей художественной практике он часто

обращается к пословицам и поговоркам. В его поэзии они играют своеобразную роль жизненных правил, которые должен усвоить человек с детства: *Өч, наданга алмашынмас – бер язу белгән кеше* ('Не сравнятся (не заменишь) трое неграмотных – с одним человеком, который умеет писать') (VI, б. 285); *Тынма, эшлә, торма тик, тынсаң тынарсың жомга көн* ('Не останавливайся, работай, не сиди просто так, можешь отдохнуть в пятницу') (VII, б. 52). Г. Сабитов в своих переложениях сохраняет пословичные формы, в которых заключён назидательный смысл: *Дышетскем мурт куиньзэ гожтэт тодйсьтэмзэ воштэ* ('Образованный человек заменяет троих неграмотных') (III, с. 3); *Тыршы, ужа, тэк ортчытод арня нунальётэ* ('Старайся, работай, праздно проведёшь выходные дни') (III, с. 5). Как видно из примеров, переводчик прибегает к существующим в удмуртском языке адаптированным эквивалентам, сохранив идею тукаевских выражений.

Заметно обращение Гая Сабитова к стихотворениям, в которых изображается природа. Особенность таких произведений Г. Тукая состоит в том, что поэт воспеваает красоту сезонных, климатических изменений природы, и эту специфику удалось уловить удмуртскому переводчику. Придерживаясь «поэтического темперамента» Габдуллы Тукая, Гай Сабитов создаёт неповторимо своеобразные картины природы, передаёт элегически грустное звучание или мажорное настроение. Например, в стихотворении «Чыршы» («Ель») кисть художника запечатлела переменные признаки природы, акцентировав внимание на осеннем увядании деревьев: *Саргая таллар, усаklar, алмагачлар һәм каен; / Хэстэ төсле, арта сары төс аларда көн саен* (VII, б. 56)⁴. Переводчику удалось запечатлеть картину осени в той тональности, в какой она представлена в оригинале: *Їужекто ни улмопуос, бадьёс но кызьпуос, / Висисьёс кадь ѳуж-ѳуж адско таѳе дыре соос* 'Уже желтеют яблони, ивы, ели, / В это время они жёлтые-прежёлтые, словно больные' (III, с. 6). Реализуемый в оригинале и переводе мотив болезни, поразившей осенью природу, вызывает эмоции жалости и тоски.

В другом стихотворении, «Яңгыр илә Кояш» («Дождь и Солнце»), в ярких красках изображены «отношения» природных явлений: *Кояш айтте: «Кызам үз нәүбәтемдә, / Ә син яу рәхмәтеңлә нәүбәтеңдә»* 'Солнце сказало: «Я сияю (как мне надо), / А ты лей с радостью (как тебе надо)»' (VII, б. 58). Приём пейзажной антропоморфизации, присущий многим стихам Г. Тукая, удачно воспроизведён Г. Сабитовым в стихотворении «Зор но Шунды», верно ухвачена мажорная интонация текста: *Шунды шуиз: «Пишто, пыжо ас черодам, / Тон, зор, шумпотыса кисьты ас черодад»* 'Солнце сказало: «Буду светить, греть (жечь) в свою очередь, / Ты, дождь, радостно лей в свою очередь' (III, с. 8). Используемый здесь приём диалогической речи создаёт запоминающуюся картину, служит средством драматизации: передаёт напряжённые отношения и эмоции персонажей, изображает ситуацию дисгармонии – спор между солнцем и дождём. Участниками диалога в тексте выступают одушевлённые и неодушевлённые собеседники. В удмуртском варианте Г. Сабитову удалось передать фантазию художника, диалогическую природу произведения.

⁴ Предлагаем перевод Виля Ганиева: *Ивы, яблони, берёзы – все как будто бы больны: / С каждым днём ни них всё больше нездоровой желтизны* (VIII, с. 333).

Обучение детей нравственным нормам, социальным и бытовым оценкам – главный стержень многих стихотворений для детей Габдуллы Тукая. Присущая произведениям татарского поэта нравственная основа была уловлена переводчиком. Переложения Гая Сабитова звучат в унисон тукаевским оригиналам. Самые простые уроки нравственности, изложенные в сказках, в стихотворениях Г. Тукая и в его текстах с басенным сюжетом, переводчик успешно передал удмуртским детям, объяснил им «взрослый» мир.

Некоторые произведения Г. Тукая для детей наполнены духом моралистической сатиры. Такие тексты, на наш взгляд, очень близки к басенному стиху. Таким образом, например, построено произведение «Арба, Чана, Ат» («Телега, сани и лошадь»), которое представляет собой сценку, основанную на диалоге, драматичную по своей природе и эмоциям. Эта особенность тукаевских строк была прочувствована Гаем Сабитовым и показана в переводе: стихотворение «Уробо, дӱды, вал» объединяет с басней разговорная естественность интонации, внешняя графическая форма, мораль:

*Ог нуналэ дӱды, вал, уробо
пумиськиллям,
Куиньназы ик улонзылы укыр
жӱожтӱськиллям,
Уробо, пе, шуэ: «Ӧвӧл ни шутэтскон
гужем:
Уй но нунал юскылытэк монэ нулло
уже»⁵ (III, с. 15).*

*Бер заман бер төшкә килгән Ат белән
Арба, Чана;
Бу өчәү һәрберсе дә үз тормышыннан
зарлана.
Арба әйтә: «Жәй көне мин һич тә
рәхәт күрмимен:
Көн-төне эштә йөрим, һичбер
жигелми тормыймын»⁶ (VII, б. 89).*

Сатирическое жало, характерное для басенного языка, просматривается в другом переводном тексте – «Тубат» («Лестница»). В произведении использованы намёки, иносказания, присущие басням. Здесь изображаются не только пороки действительности, но и нравственный идеал. Мораль рассматриваемой басни заключается в том, что любой человек в силу субъективных и объективных причин может оказаться на любом месте иерархической шкалы ценностей: *Бер адәм килде дә шул чакта әйләндерде баскычны: / Түбәнге басмалар менде, югаргысы түбән төште* ‘Подошёл один человек и тут же перевернул лестницу: Нижние ступеньки поднялись, а верхние опустились вниз’ (VIII, с. 140). Г. Сабитов сумел передать в своём переложении народную мудрость морали, заложенную в строках стихотворения «Баскыч» Габдуллы Тукая: *Кин ке огпол со тубатэз чукинтыса пуктэм: / Вылй лёгет кылем улэ, нош улысез жӱутскем* ‘Кто-то однажды эту лестницу перевернул: / Верхние ступеньки оказались внизу, а нижние поднялись’ (III, с. 18).

Анализ поэтических текстов Габдуллы Тукая на удмуртском языке показал, что переводчик бережно подходил к оригиналу, но вместе с тем он сознательно стремился внести в перевод некоторые дополнения и изменения. Отклонение от оригинала обнаруживается, к примеру, в том, что Г. Сабитов не выдерживает строфическую композицию первоисточника. Например, текст «Арба, Чана, Ат»

⁵ Подстрочный перевод: *Однажды сани, лошадь, телега встретились, / Все трое жаловались на свою жизнь. // Телега говорит: «Нет отдыха уже и летом: / Днём и ночью меня водят не распрягая».*

⁶ Предлагаем перевод Виля Ганиева: *Случай вместе свёл однажды Лошадь, Сани и Арбу, / Со слезами начал каждый на свою роптать судьбу. / Двум другим Арба сказала: «Я не знаю летом сна, / Сутки целые в работе, день и ночь запряжена» (VIII, с. 347).*

построен из пяти двустрочных строф, а в удмуртском варианте произведение оформилось в сплошной текст. В стихотворении «Музьем көлә» («Спит земля») также отсутствует разбивка текста на строфы, тогда как оригинал выстроен из семи четверостиший. Стихотворение «Яңгыр илә Кояш», состоящее из нескольких двустрочных строф, в обработке Г. Сабитова оформилось в текст из четверостиший. Отметим, что предложенная нами интерпретация – лишь одна из вероятных, ведь мы не владем информацией об источниках, которыми в своё время пользовался Г. Сабитов. Соответственно, мы не имеем возможности опираться на те редакции книг, которые были в пользовании удмуртского переводчика. Изложенные нами рассуждения и полученные результаты гипотетически можно связать с выработанной стратегией переводчика, направленной на экспериментирование с архитектурой оригинала.

Иногда Гай Сабитов использует дополнительные комментарии в виде затекстовой сноски, в которой он даёт объяснение тем или иным образам, явлениям. Например, в стихотворении «Кылбурчи» («Поэт») к иноязычному слову *Азраил* переводчик даёт пояснение: *Азраил – кулон кылчин* ('Азраил – ангел смерти') (IV, с. 40). Таким образом Гай Сабитов доносит до читателя национально-культурную информацию, активизирует фольклорно-мифологические ассоциации. В другом стихотворении, «Калык кырзан» («Народная песня»), автор даёт затекстовую сноску, в которой объясняется иноязычное слово: *Аллюки – татар калык кырзанлэн нимыз* ('Аллюки – название татарской народной песни') (IV, с. 40). Такая расшифровка семантики маркированной лексики позволяет читателю расширить и обогатить знания об этническом, материальном и культурном фоне татарского народа. Использование Гаем Сабитовым затекстового комментария даёт возможность раскрыть художественный образ, отразить элементы духовной культуры татар.

Подводя итог, мы можем отметить, что переводчик создал новые произведения, равные оригиналу по смысловому и эстетическому звучанию, но порой использующие иные языковые и стиховые формы. Для перевода Гай Сабитов выбирал произведения, в которых пульсирует национальный дух. Созвучность эмоций даёт ему уверенность в возможности перевода Габдуллы Тукая от своего имени. Работа над поэтическими переложениями потребовала от переводчика выработки авторских стратегий, адаптированных к условиям удмуртской культуры с сохранением определяющих черт поэтики татарского классика. Переводческая практика Г. Сабитова имела важное стратегическое значение и в становлении литературы для детей на удмуртском языке: благодаря его переводам удмуртский читатель соприкоснулся с миром татарского поэта. Г. Сабитов охватил лишь малую часть его поэтических текстов, но и она даёт ясное представление об образной картине мира классика татарской литературы, об индивидуальном почерке автора.

Summary

A.V. Kamitova. The Works of Gabdulla Tuqay in Gaj Sabitov's Interpretation.

The article deals with the works of Gabdulla Tuqay as interpreted by the Udmurt poet Gaj Sabitov. It is revealed that Gaj Sabitov's translations sound in unison with Tuqay's texts. The translator approached the original with care, but at the same time deliberately made some

additions and changes in the translation. The analysis shows that the Udmurt translations give a clear idea of the imaginative worldview of the Tatar classic and his individual style.

Keywords: Tatar literature, Udmurt literature, original, translation, translator.

Источники

- I – *Тукай Г.* Шурали / Татар кылысь берыктүз Гай Сабитов // Молот. – 1956. – № 7 (июль). – С. 19–22.
- II – *Тукай Г.* Музьем көлэ / Татар кылысь берыктүз Г. Сабитов // Удмуртиысь комсомолец. – 1961. – 27 апрель.
- III – *Тукай Г.* Нылпиослы кылбурьёс. – Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1963. – 32 с.
- IV – *Тукай Г.* Ум кошкелэ! Ыуч музьем вылын. Вордскем гуртэ. Кылбурчи. Калык кырһан // Молот. – 1986. – № 4. – С. 39–40.
- V – *Тукай Г.* Гурт кеч но ыж сярсы // Дась лу. – 1986. – 17 апрель.
- VI – *Тукай Г.М.* Эсэрлэр: 6 т. – Казан: Тат. кит. нэшр., 2011. – Т. 1: Шигъри эсэрлэр (1904–1908). – 407 б.
- VII – *Тукай Г.М.* Эсэрлэр: 6 т. – Казан: Тат. кит. нэшр., 2011. – Т. 2: Шигъри эсэрлэр (1909–1913). – 384 б.
- VIII – *Тукай Г.М.* Яз фэйтуны: шигырьлэр, балалар өчен шигырьлэр, әкиятлэр = Фазтон весны: стихотворения, стихи для детей, сказки. – М.: МАГИ «Из века в век»; Казань: Тат. кн. изд-во, 2011. – 400 с.

Литература

1. *Галиуллин Т.* Халык шагыйре Габдулла Тукай = Народный поэт Габдулла Тукай // Тукай Г.М. Яз фэйтуны: шигырьлэр, балалар өчен шигырьлэр, әкиятлэр = Фазтон весны: стихотворения, стихи для детей, сказки. – М.: МАГИ «Из века в век»; Казань: Тат. кн. изд-во, 2011. – С. 8–23.
2. *Хайруллин Г.Т.* Тукай и евразийство // Творчество Тукая в контексте евразийской культуры: Материалы конф. – Казань: Фикер, 2002. – С. 8–11.
3. *Конова А.И., Гараева Н.Г.* Новый арабский перевод «Шурале» Г. Тукая // Габдулла Тукай мирасы һәм мили-мәдәни багланышлар: Габдулла Тукайның тууына 125 ел тулуга багышланган Халыкара фәнни-гамәли конференция материаллары (25 апрель, 2011 ел). – Казан, 2011. – Б. 150–153.
4. *Миннегулов Х.Ю.* Тукай на языке Пушкина (о переводах стихотворений Тукая на русский язык) // Габдулла Тукай мирасы һәм мили-мәдәни багланышлар: Габдулла Тукайның тууына 125 ел тулуга багышланган Халыкара фәнни-гамәли конференция материаллары (25 апрель, 2011 ел). – Казан, 2011. – Б. 24–26.
5. *Богомолова З.* «Прошедшее. Живое. Дорогое...» Г.С. Сабитов // Всюду – жизнь...: Статьи, очерки, литературные портреты, воспоминания. – Ижевск: Удмуртия, 2008. – С. 141–148.

Поступила в редакцию
26.09.13

Камитова Алевтина Васильевна – кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела филологических исследований, Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского отделения РАН, г. Ижевск, Россия.

E-mail: akamitova@mail.ru